[Polaris]

Леон Грок



ДВЕ ТЫСЯЧИ ЛЕТ ПОД ВОДОЙ

Затерянные миры

Том XXI

POLARIS



ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCXLIV



Salamandra P.V.V.

Леон
ГРОК

ДВЕ ТЫСЯЧИ ЛЕТ ПОД ВОДОЙ

Приключенческая
повесть

Пер. Е. Лаврецкой

Salamandra P.V.V.

Грок Л.

Две тысячи лет под водой: Приключенческая повесть. Пер. Е. Лаврецкой. Илл. А. Валле (Затерянные миры. Том XXI). — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2018. — 85 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCXLIV).

Эксцентричный миллиардер строит туннель под Средиземным морем — но колоссальный проект все время преследуют неудачи. После серии подозрительных обвалов и аварий путь проходчикам и их машинам преграждает... массивная стена, явно сложенная руками человека. Повесть французского фантаста Леона Грока (1882-1956) «Две тысячи лет под водой», выдержавшая ряд изданий на родине автора, впервые переведена на русский язык.



ДВЕ ТЫСЯЧИ ЛЕТ ПОД ВОДОЙ

I

КАК Я ПОЗНАКОМИЛСЯ С ЖЕРОМОМ-НАПОЛЕОНОМ РИККАРДИ

Был воскресный вечер, когда я впервые увидел человека, который изменил мою судьбу и вовлек меня в самое экстравагантное приключение, какое только можно вообразить.

Не так давно я начал работать репортером в «Гран Квотидьен» и в тот вечер меланхолически курил сигарету за сигаретой в ожидании любого события, что заставило бы меня покинуть редакцию в погоне за какой-нибудь мимолетной сенсацией.

Я хорошо все помню, как будто это случилось вчера. Стоял декабрь — очень холодный, сухой и ветреный декабрь. Я грелся, прислонившись к батарее центрального отопления, и следил за легким синим дымком сигареты.

Не стоит недооценивать предчувствия. Могу поклясться, что при виде рассыльного с визитной карточкой в руке меня внезапно что-то кольнуло в левую сторону груди.

В огромном зале новостей собрались в это время почти все редакционные сотрудники газеты, и все-таки я ни на секунду не сомневался, что карточка предназначена мне и никому другому. Неожиданно и с полной ясностью я осознал, что этот прямоугольничек из тонкого картона вот-вот перевернет вверх ногами всю мою жизнь.

И действительно, мальчишка-рассыльный подошел ко мне и протянул карточку со словами:

— Вас хотят видеть, месье Персан.

На визитной карточке я прочитал:

ЖЕРОМ-НАПОЛЕОН РИККАРДИ

Промышленник



Имя было мне незнакомо.

— Этот человек желает видеть лично меня?

— Да, месье.

Странное дело! Почти каждый вечер я без всякой опаски принимал множество визитеров: одни читатели хотели навести какие-то справки по поводу той или иной моей статьи, другие делились со мной какой-либо новой информацией… но эту карточку я крутил в руках и почему-то медлил.

Я осторожно спросил:

— Он не похож на попрошайку?

— О! Месье! — улыбнулся рассыльный. — Одна его шуба стоит несколько тысяч, а на мизинце у него перстень и бриллиант в нем размером с фасолину.

— Ну хорошо. Проведи его в салон. Я сейчас буду.

«Салоном» в «Гран Квотидьен» называлось конторское помещение для приема посетителей, обставленное чуть получше других.

Я направился туда, механически повторяя про себя звучное имя: «Жером-Наполеон Риккарди».

Выходя из зала новостей, я услышал, как один из моих коллег-репортеров сказал:

— Черт возьми! Наш Рене Персан, оказывается, на короткой ноге с миллиардерами!..

Честно говоря, в тот день Жером-Наполеон Риккарди мало походил на миллиардера, несмотря на замеченные рассыльным шубу и бриллиантовый перстень.

Живо вспоминаю, как он стоял тогда у дешевенького стола, нервно постукивал по столешнице большими крепкими пальцами и глядел на меня необычайно проницательным взглядом.

Под роскошной шубой, которую он расстегнул, виднелся непритязательный готовый костюм. На нем были грубые ботинки, могучая шея вольготно возвышалась над мягким воротничком и узким галстуком, повязанным небрежным узлом. Седые, растрепанные и взъерошенные волосы увеличивали и без того массивную голову. Смело вылепленный нос, упрямая челюсть, квадратный подбородок и широкие плечи создавали впечатление спокойной и уверенной силы.



— Вы Рене Персан? — спросил он отчетливым, немного суховатым голосом — голосом человека, не привыкшего тратить время впустую.

Я кивнул, и он продолжал:

— Несомненно, вам известно, кто я такой, по крайней мере понаслышке?

Я не пошевелился. Он с некоторым нетерпением, выдававшим простоватое тщеславие, пояснил:

— Риккарди, «кожаный король»...

Тогда-то я и прозрел! Не пойму, как случилось, что я не сразу вспомнил фамилию Риккарди. Видимо, меня сбило с толку имя «Жером-Наполеон» — его редко упоминали, когда говорили об этом странном человеке.

В одну секунду я припомнил все, что слышал о нем.

Во время последней войны Риккарди поставлял армиям союзников сапоги, ботинки, ремни, портупеи и прочие кожаные составляющие обмундирования. Иные злые языки даже уточняли: «поставлял обеим воюющим сторонам». Но никто и никогда ничего не мог доказать, а после того, как я близко познакомился с Риккарди, я могу смело заверить, что все это чистейшая клевета.

Так или иначе, Риккарди и в самом деле был миллиардером или, точнее говоря, одним из тех обладателей громадных состояний, которые и сами не помнят, сколько у них денег. Происхождения он был достаточно скромного и, надо сказать, несколько кичился своим колоссальным богатством, достойным «Тысячи и одной ночи». Его эксцентричные выходки, порожденные непомерной гордыней и непобедимым упрямством, часто давали пищу парижской хронике. В его характере парадоксально и удивительно сливались самые противоречивые черты — королевское стремление повелевать и всегда, даже вопреки доводам разума, верить в свою правоту, щедрость набоба и добросердечие сочувствующего ближним филантропа.

Незадолго до нашей встречи ему вдруг вздумалось разбить в центре Парижа собственный огромный сад. За солидное количество миллионов он тут же купил несколько домов и немедленно обрек их на снос. Затем до него внезапно дошло, что изгнанным из этих домов людям пришлось нелегко, хоть они и получили щедрую компенсацию за ущерб, и что они фактически лишились крова — и он построил в пригороде целый квартал хорошеньких особнячков, которые совершенно бесплатно предложил изгнанникам...

Таков был человек, стоявший передо мной.

Нетрудно понять, что я сгорал от любопытства. Чем вызван этот неожиданный визит?

По моему виду Риккарди догадался, что я наконец узнал его, и продолжал более вежливым тоном:

— Меня направил к вам мой старый друг Мартен-Дюпон. Он очень хорошо о вас отзывался.

— Мартен-Дюпон, видный филолог? — переспросил я с удивлением. Что общего могло быть между такими разными людьми — кожаным королем и выдающимся ученым, и почему он называл Мартен-Дюпона своим «старым другом»?

Как видно, это наивное удивление отразилось на моем лице, так как Риккарди сопроводил свой ответ легкой иронической улыбкой:

— Он самый... Мы учились читать за одной школьной партой. Эх, давно это было! Мы избрали в жизни разные пути, но детская дружба осталась нерушимой... Однако перейду к тому, что привело меня сюда. Мне нужен доверенный секретарь, мое второе «я», который должен повсюду сопровождать меня и которому я мог бы поручить все мои личные дела. Что касается промышленных и денежных вопросов, людей у меня достаточно. Мне просто нужен сообразительный, расторопный секретарь, умеющий писать без ошибок — сам я за неимением времени так и не научился. Сегодня, обедая с Мартен-Дюпоном, я спросил, не знает ли он подходящего молодого человека. Он назвал вас. Я привык сразу выполнять задуманное и потому, не откладывая, пришел за вами.

— Но... — возразил было я.

Я был немного ошеломлен этим свалившимся на меня предложением. Я хотел сказать Риккарди, что люблю свою профессию, не желаю ее менять и не испытываю особой склонности к работе, которую он мне предлагал или, говоря откровенно, навязывал.

Риккарди не дал мне договорить.

— Я вас понимаю. Вы хотите знать условия.

И он назвал сумму.

Втрое большую, чем я зарабатывал в «Гран Квотидьен».

В моей обороне была пробита ощутимая брешь... Но я все еще не сдавался.

— Позвольте мне подумать... — произнес я.

— Так и быть! — отозвался Риккарди.



И, поглядев на часы, спокойно сказал:

— Вы дадите мне ответ через четверть часа. Если, как я надеюсь, вы согласитесь, я найду вашего редактора, извинюсь за то, что забираю вас к себе — кстати, обещаю, что он вас простит — и сегодня же вечером дам вам небольшое и довольно оригинальное поручение.

Его прямота и быстрота решений подкупили меня. Предложение определенно было соблазнительным, и я воскликнул:

— За дело! Прочь ненужные размышления, месье! Я согласен.

— В добрый час! Клянусь, вы не пожалеете. А сейчас мне нужно найти вашего редактора...

— А мое задание, месье, моя миссия?

Мне не терпелось узнать, в чем состояло «довольно оригинальное» поручение, с которым я должен был приступить к своим новым обязанностям. По характеру я большой романтик. Помню, я не без удовольствия думал, что на службе у этого необычного человека меня наверняка ждут любопытные приключения. Но действительность, как вскоре увидит читатель, превзошла самые смелые ожидания.

Мой вопрос пришелся Риккарди по душе.

— Превосходно! — сказал он. — Мне нравится, что вы не относитесь к работе равнодушно. Хорошо! Пока я буду беседовать с вашим бывшим начальником, прошу вас сделать все необходимое, чтобы завтра это объявление появилось в ведущих парижских газетах.

Он протянул мне листок бумаги, на котором значились следующие загадочные слова. Я запомнил их наизусть:

«ТРЕБУЕТСЯ смелый инженер для реализации гигантского проекта, считающегося невыполнимым. Кандидатов просим явиться между 14 и 16 часами» и так далее.

Ниже следовал адрес Риккарди.

Я вздрогнул от удивления.

Кожаный король усмехнулся и спросил своим отчетливым негромким голосом:

— Поздновато? До завтра не успеть?

— Вероятно... — пробормотал я, загипнотизированный необычайным объявлением.

— Пустяки! — продолжал Риккарди. — Я заплачу, сколько потребуется... Увидимся позже!..

II

ЧТО ИМЕННО «СЧИТАЕТСЯ НЕВЫПОЛНИМЫМ»

Только на следующий день Жером-Наполеон Риккарди поделился со мной некоторыми подробностями своего «считавшегося невыполнимым» проекта, для которого искал через газеты «смелого инженера».

Все утро он посвящал меня в мои новые обязанности, а после предложил остаться на второй завтрак, не преминув заметить:

— Разумеется, дорогой Персан, место за нашим столом всегда будет для вас приготовлено. Но вы полностью свободны в выборе и можете завтракать, обедать и ужинать у себя или где-либо еще.

Я поблагодарил Риккарди и последовал за ним в столовую, где он представил меня высокой светловолосой девушке с открытым и приятным лицом.

— Месье Рене Персан, мой новый личный секретарь... Моя дочь Полетт...

Я почтительно поклонился, однако Полетт протянула руку, энергично потрясла мою и сказала четким голосом, на удивление похожим на голос миллиардера:

— Мы будем часто встречаться, месье Рене, и я надеюсь, что мы станем добрыми друзьями.

Ее доброжелательность с первой минуты покорила меня. Я воскликнул:

— Надеюсь на это всем сердцем, мадемуазель...

Мы атаковали закуски, а тем временем Полетт спросила отца:

— Ну что? Начался уже парад «смелых инженеров»?

— Ты слишком торопишься, малышка, — ответил Риккарди. — Сегодня в послеобеденные часы я встречаюсь с целой когортой молодых, неизвестных и дерзких изобретате-



лей. Среди них я надеюсь найти ту единственную редкую птицу, что мне нужна...

— Я сама не своя от нетерпения, — вздохнула Полетт. — Так хочется поскорее узнать, можно ли осуществить твой грандиозный проект...

Я был живо заинтригован этим диалогом и, решив, что положение секретаря миллиардера позволяет мне это, осмелился вмешаться:

— Позволите ли вы, дорогой месье, задать вам вопрос?

— Пожалуйста... Но называйте меня просто «патроном». Это лучше отражает наши отношения.

— Слушаюсь! Если я правильно понимаю, вы, патрон, задумали какой-то гигантский проект. Но вы ведь можете обратиться к тем, кто уже зарекомендовал себя в работе над

важными проектами, нанять человека, чьи успехи пользуются заслуженной известностью... Почему же вы ищете инженера наугад?

— Да потому, — ответил Риккарди, — что к известным инженерам я уже обращался, и все они отказались!

Вслед за этим неожиданным заявлением кожаный король немного помолчал и с горечью продолжал:



— Некоторые подняли меня на смех. Другие предложили поискать не инженера, а психиатра. Третьи согласились подумать над проектом, но лишь для того, чтобы с помощью различных — и, между прочим, довольно весомых аргументов — доказать его несбыточность... Согласен, трудности серьезны, но я утверждаю, что их можно преодолеть! В любом случае, я готов сделать все, даже невозможное, ради воплощения моей идеи в жизнь!

Произнося эти слова, он гордо поднял голову. Его глаза горели.

В эту минуту он виделся мне олицетворением пылкой и непреклонной воли, и я машинально произнес вполголоса знаменитую фразу:

— «Нет нужды надеяться, чтобы предпринимать, и преуспевать, чтобы упорствовать»...*

— Браво! — воскликнула Полетт. — Этот девиз так подходит для папы... и для меня!..

Риккарди улыбнулся.

— Мы забыли, что Персан ничего не знает. Дело вот в чем, дорогой мой...

Я заерзал в ожидании необычайного откровения.

— Если хотите понять, о чем пойдет речь, — так начал свои объяснения кожаный король, — вам прежде всего следует знать, что я родился на Корсике. В пятнадцать лет я уехал из родной деревни и больше никогда там не бывал. Но сейчас меня охватило непреодолимое желание вернуться, купить родительский дом и превратить его в мирное пристанище, в тихий уголок, где я смогу иногда отдыхать от деловой суеты и коммерческих забот...

Он на секунду замолчал. Я был разочарован: в подобном проекте не было ничего дерзновенного и даже, пожалуй, особо оригинального.

Но Жером Риккарди вновь заговорил:

— До сих пор все кажется совсем несложным, не так ли? Вы сейчас подумали, что между материком и островом курсирует множество пассажирских кораблей, и мне нетрудно будет осуществить свою мечту... В крайнем случае, если я не хочу полагаться на пароходы, а желаю посещать царство своих фантазий по собственному усмотрению, я могу завести яхту. Уверен, вы так и подумали... О, не оправдывайтесь! Ваши мысли вполне естественны и обоснованы... на первый взгляд! Откуда вам знать, что Жером-Наполеон Рик-

---

* Девиз, часто приписываемый «отцу нидерландской независимости», жившему в XVI в. принцу Вильгельму I Оранскому (на самом деле его девизом было «Я не отступлюсь»). Приведен как девиз принца в «Таинственном острове» Ж. Верна, где автор говорит, что эти слова могли бы стать и девизом Сайруса Смита (*Здесь и далее прим. перев.*).

карди, ваш патрон, однажды испытал морскую болезнь и поклялся страшной клятвой, что никогда больше не поставит себя в это смехотворное положение, а значит, нога его больше не ступит на палубу любого судна! И знайте, что Жером-Наполеон Риккарди всегда держит обещания, данные самому себе. Следовательно, пункт первый: пароходы и яхты отпадают...

— Есть еще самолеты... — мягко вставил я.

Миллиардер перебил меня, и его орлиные глаза неожиданно заволоклись грустью:



— Летательные аппараты вызывают у меня крайнее отвращение с тех пор, как моя бедная жена, мать этой девочки, трагически погибла в авиационной катастрофе.

Полетт молча кивнула, словно соглашаясь.

— Клянусь честью, патрон, я теряюсь в догадках! — в нетерпении вскричал я. — Если вы придумали способ добраться с материка на остров, не пользуясь ни пароходом, ни са-

молетом, говорите! Я полагаю, вы не собираетесь поехать на Корсику поездом?

И я громко рассмеялся.

Но смех внезапно замер у меня в горле, глаза округлились от изумления. Не снится ли мне? Нет, Риккарди спокойно отвечает:

— Я поеду не поездом, а на своей автомашине. Все очень просто...

Заметив мой удивленный взгляд, он в свою очередь рассмеялся и добавил:

— Я подробно изучил все проекты туннеля через Ла-Манш. Почему бы не проложить туннель под Средиземным морем?

— Туннель?..

— Ну да...

— Под Средиземным морем?

— Да, да...

Я замолчал. Сумасбродная идея Риккарди не укладывалась у меня в голове.

А затем тысячи возражений пришли мне на ум, и я порывисто воскликнул:

— Но это не одно и то же... Нет ничего общего... Не говоря уже об огромной разнице в расстоянии, подумайте, на какой невероятной глубине залегает дно в некоторых местах Средиземного моря... Да знаете ли вы...

— Уверяю вас, — сухо отрезал Риккарди, — что я уже слышал подобные доводы, и они не в состоянии поколебать мое решение. Мне даже пытались с цифрами в руках доказать, что я разорюсь, не завершив и четвертой части этих колоссальных работ...

— И что же?..

Мне ответила Полетт.

Звучным голосом она повторила девиз, который я недавно цитировал:

— «Нет нужды надеяться, чтобы предпринимать, и преуспевать, чтобы упорствовать»...

III

ТАИНСТВЕННАЯ ПРЕГРАДА

Как мог я разделять энтузиазм патрона в отношении этого безумного проекта? И самое главное, как мог я в какой-то момент поверить в успех? Сегодня, размышляя об этом, я не нахожу ответа. Может, я и был романтиком, но эта черта моего характера вполне уравновешивалась профессиональным скептицизмом журналиста. И в то же время, Риккарди излучал подсознательную, но заразительную уверенность в своей правоте, и она действовала на меня, как магнит на железо... Так или иначе, вскоре я стал убежденным сторонником туннеля. Как часто бывает с неофитами, в своей пылкости я даже превзошел патрона. Непосильный труд, ждавший нас впереди, начал казаться мне не только обычным, но и сравнительно легким делом.

По правде говоря, необходимо упомянуть, что таким же заразительным энтузиазмом обладал инженер Фортис, возглавлявший работы.

После публикации объявления через кабинет Риккарди прошло бесконечное число кандидатов, в основном очень болтливых и потрепанных на вид. Но Пьер Фортис так выделялся среди них и настолько превосходил всех соперников, что кожаный король, едва бросив на него взгляд и даже не обменявшись с ним ни словом, велел остановить процессию инженеров и всем вновь приходившим сообщать: «Вы опоздали, место занято».

Громадный выпуклый лоб и серые глаза, в которых светился ум — вот что сразу запоминалось при взгляде на этого блистательного конструктора. Прочие черты не имели значения и не привлекали внимания.

Лоб, глаза: в этом был весь Пьер Фортис.

А когда Риккарди вкратце объяснил свой план и молодой инженер заговорил... Нет, он стал возражать против проекта миллиардера — он буквально завопил от радости.

Похожий проект он вынашивал годами. Он уже все спланировал, все рассчитал, подготовил списки необходимого оборудования. И все это ради чистого удовольствия, без всякой надежды на реализацию. А теперь незнакомый благодетель говорит ему: «Можете тратить, сколько хотите, только воплотите в жизнь ваши мечты...»



Фортис даже изобрел мощный и чрезвычайно быстрый перфоратор; его машина была способна с поразительной скоростью прокладывать шахты и подземные туннели. Не имея достаточно средств, Фортис сумел построить только маленькую модель, но теперь, располагая неограниченной финансовой поддержкой Риккарди, мог тешить себя надеждой соорудить настоящий действующий аппарат...

* * *

Спустя три недели после памятного декабрьского воскресенья, когда я повстречался с кожаным королем, я уже был на Лазурном берегу в компании Жерома-Наполеона Риккарди, милой Полетт и гениального Пьера Фортиса. Все мы жили на «Вилле Полетт» — так назвал Риккарди приобретенный им великолепный особняк.



Работы продвигались достаточно быстро, невзирая на растущие трудности, которые мы ежедневно преодолевали благодаря чудесной изобретательности Фортиса.

Мою роль в проекте, конечно, никак нельзя назвать выдающейся. Если Риккарди был волей грандиозного начинания, Полетт — его душой, а Фортис — мозгом, я оставался, в каком-то смысле, всего лишь зрителем. Они были заняты самыми колоссальными строительными работами, когда-либо задуманными и предпринятыми людьми, мне же оставалось довольствоваться участью скромного историографа...

Просматривая свои заметки тех дней, я читаю в захватывающих кратких строках историю безжалостной схватки между человеком и стихиями. Два десятка слов на любой странице моего дневника сжато излагают эпическую картину какого-либо эпизода величественной битвы. Взять хотя бы это: *«Утром обвал на 48-м километре. Вечером Фортис принял меры. Больше бояться нечего»*. Строки за строками... Материя сопротивлялась, нетронутые недра земного шара отчаянно защищались, но человеческий гений вновь и вновь покорял их и выходил победителем.

На второй год работы, в конце июня, когда мы вполне могли гордиться завершенным участком туннеля, у нас впервые возникло подозрение, что сопротивлялась не только материя...

Собственно говоря, вначале мы заметили лишь какие-то смутные признаки противодействия, и только повторные явления того же рода показались нам действительно странными.

В моей записной книжке эти события отмечены лаконичными записями:

«27 июня. — Необъяснимый обвал. Деревянные крепи явно повреждены, как будто кто-то действовал пилой.

28 июня. — Бригада проходчиков потребовала вернуться наверх до окончания смены. Они утверждают, что работа никогда еще не была такой утомительной, что они никак не могут продвинуться вперед и что им кажется, словно кто-то по ночам уничтожает все сделанное ими днем...

29 июня. — Саботаж на перфораторе. Аппарат вышел из строя. Фортис деятельно занимается ремонтом. Мастер говорит, что уверен в своих людях и никто из них не виновен. Так ли это?

Упомянутые события, да и некоторые другие, заставили проходчиков так нервничать, что Фортис решил сократить

время пребывания рабочих под землей и менять их каждые сорок восемь часов, а не раз в четыре дня, как раньше.

Поскольку по уже прорытой галерее можно было добраться на автомашине почти до самого участка работ, потеря времени при частой смене бригад была минимальной.

Я начал, однако, опасаться, что самое сложное впереди и что преодоленные трудности покажутся нам ничтожными по сравнению с теми, что ждут нас в будущем.

Хотя я уже некоторое время считал, что наше безрассудное предприятие таит еще много непредсказуемых сюрпризов, только 15 июля мы получили внезапное и драматическое доказательство — какие-то таинственные злоумышленники и впрямь намеренно препятствовали нашей работе.

Накануне Фортис объявил день отдыха в честь Национального праздника*. Все рабочие поднялись на поверхность, Риккарди выписал им щедрые премии, и они радостно отметили годовщину падения Бастилии.

Риккарди пребывал в самом благодушном настроении. Его старый приятель Мартен-Дюпон, тот самый ученый-филолог, рекомендовавший меня миллиардеру, приехал к нам на несколько дней. Я мог видеть, что двух бывших одноклассников, несмотря на огромные различия в характерах, в самом деле объединяет теснейшая дружба.

Всегдашнее напряжение оставило и Фортиса. Он наконец заговорил о чем-то, кроме работы, и показал себя вполне светским, остроумным и даже — честное слово! — почти галантным собеседником. Полетт порозовела от изумления, и ее неожиданное и плохо скрытое смятение подсказало мне, что инженеру, при желании, ничего не стоит сделаться зятем кожаного короля. Но Фортис ничего не заметил. Несравненный математик, ведавший все тайны интегрального исчисления и проникший во все секреты прикладной алгебры, он оказался очень слабым психологом, и проблемы сентиментального свойства его вовсе не занимали...

---

* Так официально называется во Франции День взятия Бастилии, символизирующий единство нации и освобождение от абсолютизма.

В этой непринужденной обстановке, подобно внезапному удару молнии, и разыгралась драма.

Мы еще сидели за столом, но обед подходил к концу. Наступил нежный и тихий предвечерний час. Нашим глазам открывалась синяя гладь широкого залива. В зале веял прохладный ветерок. Отлично вышколенный дворецкий расхаживал между нами неслышными шагами. На столе будто по волшебству не иссякали ледяные коктейли и вазы с чудесными фруктами. Бесконечный покой и изысканная безмятежность царили на «Вилле Полетт».

И вдруг... в зал без доклада ворвался бледный, растрепанный человек. По его щекам струился пот. Глаза были широко раскрыты и словно хранили в себе видение ужаса.

Стоило нам увидеть его, как гармония нарушилась, нега исчезла, мирная безмятежность обернулась кошмаром.

Это был заместитель директора проекта, правая рука Фортиса — человек солидный, здравомыслящий и пунктуальный. Возможно, он и не отличался широтой идей и смелостью инициатив, но безусловно был прекрасным исполнителем и отличным работником.

Пораженный таким волнением своего обычно невозмутимого и всегда спокойного заместителя, Фортис вздрогнул.

— Что случилось, Грандье? — спросил он чуть хриплым голосом.

— Ах! Месье Фортис! — воскликнул Грандье. — Я только что обнаружил нечто невероятное, необъяснимое, прямо-таки сверхъестественное! Как вы знаете, перфоратор сегодня утром натолкнулся на особо твердую породу. Мне стало любопытно поближе взглянуть на скалу, так мешавшую нам продвигаться вперед. Вне всякого сомнения, это стена — очень толстая, но *имеющая искусственное происхождение и выстроенная совсем недавно*. Раствор еще не полностью высох!

Мы онемели. Мы еще не могли осознать все значение открытия Грандье, но понимали, что столкнулись с чем-то грандиозным.

— Что вы имеете в виду? — вновь спросил Фортис.

— Погодите... Это еще не все, — ответил заместитель. — Я не поделился своими наблюдениями с рабочими, которые и без того нервничали. Скоро должен был начаться положенный перерыв, и я решил продолжить осмотр, когда они отправятся на отдых. И тогда, проделав и перепроверив все обмеры и расчеты, я безошибочно убедился, что длина туннеля с позавчерашнего дня сократилась!

— Как? — воскликнул Фортис.



— Вчера, пока мы праздновали, — продолжал Грандье, — чьи-то таинственные руки отодвинули назад оборудование и построили на нашем пути этот каменный барьер!

— Таинственные руки?... — пробормотал Риккарди.

Но Грандье стоял на своем:

— А самое необычайное, самое невероятное в том, что стена была построена непосредственно перед перфоратором... Иначе говоря, те, кто ее построили — если только они не умеют проходить сквозь стены — находятся *за ней*... в глубинах земли.

На сей раз мы все содрогнулись.

Все строили самые бессмысленные предположения, но никто не осмеливался высказать их вслух.

Первым пришел в себя Риккарди и с привычным апломбом проговорил:

— Грандье, друг мой, сейчас вы выпьете с нами чашечку кофе, выкурите сигару, а после покажете мне и Фортису, что там внизу происходит...

— А я? — спросила Полетт.

— А я? — прошептал я.

— Прекрасно! — сказал Риккарди. — Мы все поедем. Вы с нами, Мартен-Дюпон?

— Еще бы! — вскричал ученый.

Кожаный король поднял трубку стоявшего рядом со столом телефонного аппарата и распорядился:

— Скажите Этьену, пусть приготовит большой лимузин...

А затем, повернувшись к нам, он спокойно спросил:

— Кофе будем пить здесь или в курительной?

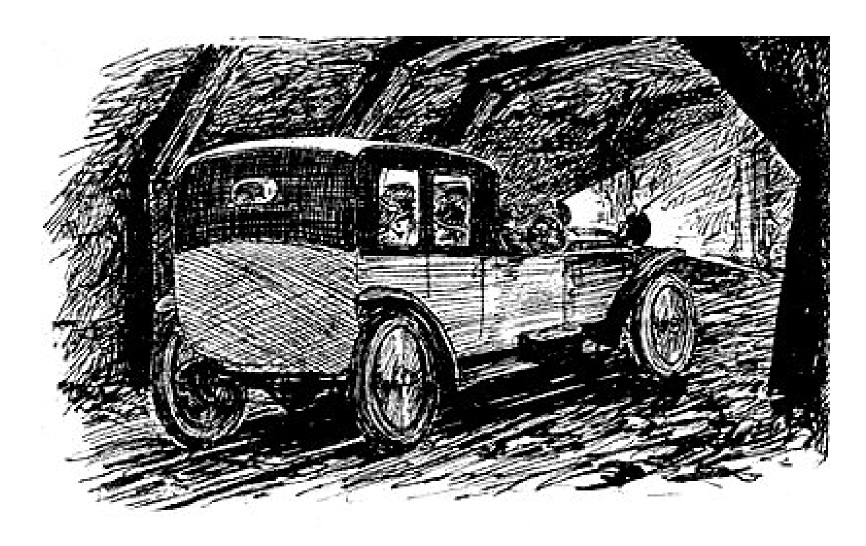
IV

ПОРАЗИТЕЛЬНАЯ НАДПИСЬ

Мы уселись вшестером в большой лимузин и Этьен, надежный шофер миллиардера, погнал машину по туннелю под длинной нитью электрических ламп.

На протяжении всего пути мы почти не разговаривали.

Фортис погрузился в задумчивость. Его брови нахмурились, лоб прорезала вертикальная морщинка: верный признак того, что смелый ум инженера сейчас строил и отбрасывал гипотезы, объясняющие странное сообщение Грандье.



Последний был очень подавлен; неожиданная находка погрузила его в какое-то оцепенение.

Полетт посматривала на инженера и, кажется, пыталась угадать, какие мысли роятся в его блестящем мозгу, спрятанном за глубоко посаженными глазами.

Мартен-Дюпон читал. Этот человек представлял собой настоящую ходячую библиотеку; его глубокие карманы были

всегда набиты брошюрами и книгами, которые он открывал при каждом удобном случае.

Что же касается Риккарди, то миллиардер спал. Кожаный король обладал драгоценной способностью по собственной воле засыпать и просыпаться, когда и где угодно. Несмотря на волнение, вызванное рассказом Грандье, мой патрон хорошо понимал, что вскоре ему понадобится вся ясность ума и физическая выносливость; поэтому он собрал свои нервы в кулак и приказал себе спать.

Я же глядел на спутников и равно восхищался задумчивой сосредоточенностью инженера, спокойствием ученого и добровольным сном миллиардера.

Туннель плавно спускался на определенную глубину, а затем местами шел террасами, напоминавшими гигантскую лестницу. Автомобиль преодолевал эти огромные ступени с помощью мощных лифтов, работавших на электричестве.

Наконец машина остановилась, и Этьен объявил:

— Мы прибыли, патрон! Отсюда придется пешком...

Голос его гулко отдавался в туннеле. С почтительностью, смешанной с фамильярностью, шофер соскочил с сиденья, открыл дверцу, и мы увидели его насмешливое лицо типичного парижанина.

Кожаный король мигом проснулся, так же мгновенно стряхнул с себя остатки сна и вышел первым. Мы все последовали за ним.

Мы оказались в зоне работ.

Туннель наполовину перегораживал длинный вагон — передвижное помещение, где проходчики отдыхали во время перерывов в работе. Сейчас внутри поднялась суета, и из окон стали выглядывать любопытные лица.

— Не обращайте на нас внимания, — приказал Фортис рабочим. — Мы приехали проинспектировать туннель.

Никто не заставил себя просить дважды и не подумал выйти наружу. После тяжелого рабочего дня проходчики мечтали только об отдыхе и сне.

— Нам понадобится сильный фонарь, чтобы осмотреть стену, — тихо сказал Грандье. — Электрическое освещение, естественно, протянуто только до места работ. А стена, о ко-

торой я упоминал, находится относительно в тени.

Риккарди сделал знак Этьену.

Шофер понял и кивнул. Затем он отцепил одну из мощных фар автомобиля и приготовился сопровождать нас.

— Прекрасно! — одобрил Фортис.



И мы в пешем порядке двинулись в темноту вдоль рельс узкоколейки, служившей для вывоза извлеченной породы.

Туннель начал сужаться. Со стен, еще не залитых бетоном, сочилась влага. Прочные деревянные опоры поддерживали потолок.

В нескольких сотнях метров впереди мы видели удлиненный силуэт перфоратора, похожий на гигантского притаившегося зверя — металлического зверя, чью жизненную силу обеспечивал двигатель, созданный гением Фортиса.

Эта колоссальная машина, этот гигантский бур, подобно танку, шел в наступление на неподатливую земную кору, вгрызался в нее и оставлял за собой размолотую на мелкие

куски породу.

Фара в руках Этьена вскоре осветила машину, и мы снова с восхищением взглянули на стальные обводы великолепно продуманного аппарата.

На крышу машины вела маленькая железная лестница.

Здесь мы остановились, и Фортис, шедший во главе всей группы вместе с Грандье, нагнулся и осмотрел последнюю груду выброшенной буром породы.

В свете фары я увидел его задумчивый профиль. По лицу инженера скользнула недовольная гримаса, и он пробормотал:

— Какой дьявол притащил на эту глубину кирпичи?

Мы все наклонились ближе.

Никаких сомнений быть не могло.

Куски скалы, отколотые перфоратором, явно были не камнями, а обломками кирпичей искусственного происхождения.

Грандье сделал нетерпеливый жест, будто хотел сказать: «Я же вам говорил!»

Затем Фортис и его заместитель занялись измерениями и подсчетами. В конце концов они пришли к тому же заключению, что мы уже слышали от Грандье — строительная площадка находилась ближе к входу в туннель, чем два дня назад.

Когда они изложили свои выводы Риккарди, тот сказал:

— Это удивительно, конечно. Но нельзя ли допустить, что какой-нибудь неизвестный, который по непонятной мне причине решил помешать нашему предприятию, просто-напросто подкупил нескольких рабочих?

Фортис только пожал плечами.

Разумеется, такое объяснение не могло его удовлетворить.

Грандье принялся возражать:

— Если вы подниметесь со мной на крышу машины и осмотрите стену, вы увидите, как выложены кирпичи — поскольку это и есть кирпичи. Эту баррикаду выкладывали изнутри, с той стороны.

— Безумие! — отрезал кожаный король.

— Но это правда! — мрачно проговорил Фортис. Он поднялся на несколько ступеней железной лестницы и теперь внимательно разглядывал стену, освещенную лучом света из фары в руках Этьена.

Риккарди, в свою очередь, бросился к перфоратору и присоединился к Фортису.

Между ними начался довольно жаркий спор. Рациональный ум кожаного короля не признавал вещей, которые невозможно сразу объяснить. Риккарди один за другим опровергал доводы, которые приводил Фортис в защиту точки зрения Грандье.

Мы все с любопытством поднялись по лестнице и очутились на длинной платформе, укрепленной на спине стального зверя.

Здесь мы стали осматривать скалу, пытаясь понять, кто же из спорщиков прав. Неожиданно Этьен закричал:

— Вон там! Похоже на знаки... там...

Он указал на ровный участок стены прямо перед машиной, где бур еще не успел врезаться в камень.

На плоской, почти вертикальной плите и впрямь видны были ряды штрихов и линий. Таинственные знаки по цвету почти сливались с фоном, но рельефно выдавались над ним; сама же надпись, насколько позволяли мне судить мои слабые познания, представляла собой клинопись.

Я инстинктивно взглянул на Мартен-Дюпона, стоявшего рядом. Меня поразило, как изменилось его лицо. Глаза ученого были расширены, будто в священном ужасе, его губы дрожали, на лбу выступил пот.

Филолог пристально рассматривал странные знаки и дрожащим голосом бормотал обрывки слов, смысл которых оставался для меня непонятен.

Внезапно он с силой схватил меня за руку и воскликнул так громко, что все обернулись к нему:

— Друзья мои, знаете, что за знаки высечены на камне?.. Так вот, это халдейский, и даже весьма архаическая форма халдейского, то есть язык, на котором никто не говорит уже тысячи лет!



Его возглас поверг всех нас в глубокое изумление. Фортис перестал разглядывать кирпичи и смотрел в глаза ученого.

А Мартен-Дюпон возбужденно продолжал, не замечая эффекта своих слов:

— Что же касается смысла данной надписи, то перед нами осмысленная фраза, и лишь несколько человек в мире способны перевести ее, не сходя с места. Вам повезло, так как сегодня вас сопровождает один из них... Это грозное предупреждение. Послушайте...

И он, водя в воздухе пальцем вдоль клинописных строк, прочитал:

— «Нечестивый захватчик, дальше тебе не пройти!»

V

КАТАСТРОФА

С большим стыдом должен признаться, что прочитанный Мартен-Дюпоном перевод надписи, чудесным образом появившейся в туннеле под Средиземным морем, вызвал у меня состояние, очень похожее на страх.

Мои ноги так дрожали, что колени стучали друг о друга, сердце билось необычайно быстро и сильно, в горле стоял комок...

После слов ученого воцарилось мертвое молчание. Думаю, все мои спутники чувствовали то же, что и я, и каждый по-своему пытался скрыть испуг. Я глянул на Грандье и заметил, что лицо заместителя директора побелело. Луч света дергался — руки Этьена тряслись. Я слышал учащенное и прерывистое дыхание Полетт.

Лицо Фортиса, однако, ничуть не изменилось и сохраняло сосредоточенно-спокойное выражение; лишь чуть опущенные веки скрывали взгляд глубоко задумавшегося инженера. Риккарди, со своей стороны, занялся тем, что предшествовало у него всем серьезным решениям — а именно, выудил из кармана подходящую к случаю светлую и хорошо высушенную сигару и молча ее закурил.

Грандье заговорил первым.

Покашляв и прочистив горло, он заявил:

— Ввиду последних событий и этой необъяснимой находки, нам будет лучше, я считаю, временно и до выяснения всех обстоятельств...

Я догадался, что он хотел сказать. Видимо, он собирался предложить по крайней мере остановить работы, если не отказаться от них вообще.

Но кожаный король не дал ему договорить и сделал вид, что услышал в словах бедняги Грандье вдохновенный и героический призыв. Итак, он вмешался и совершенно спокойно произнес:

— ...разрушить пресловутую стену и посмотреть, что скрывается за нею? Вы правы, дорогой Грандье. Разве вы не согласны, Фортис?

Инженер поднял глаза, притворно или искренне не замечая умоляющих взглядов своего заместителя.

— Конечно!.. Перфоратор готов к работе, и мы втроем справимся с управлением. А месье Персан может тем временем проводить к машине месье Мартен-Дюпона и мадмуазель Полетт, которым совсем не обязательно здесь находиться.

В темноте я покраснел от замешательства. Фортис выразился со всей возможной ясностью: в этих драматических обстоятельствах я был ненужным довеском, а может быть, и обузой. Как ни стыдно сказать, к моему замешательству в ту минуту примешивалась волна облегчения...

Но это чувство радовало меня недолго. Полетт сейчас же воскликнула:

— Ни за что! Я остаюсь!

— Я тоже хотел бы остаться, — пробурчал филолог, попрежнему не отрывая глаз от халдейской надписи.

Собрав остатки мужества, я начал самым благородным тоном:

— Лично мне кажется, что я могу оказать здесь более важные и насущные услуги, чем...

Я оборвал себя, заметив, что мое красноречие пропало впустую.

Меня даже не слушали. Фортис с жаром, какого я в нем и не подозревал, пытался уговорить Полетт уйти. Девушка возражала. Риккарди готов был вмешаться, когда Грандье, отошедший было с покорным видом в сторонку, вдруг воспрял к жизни. Он побледнел, выпрямился и поднял палец, словно призывая к вниманию, а затем крикнул:

— Тише! Как ни печально, нам всем, кажется, придется здесь остаться!

Все мы мгновенно напрягли слух — и услышали далекие раскаты, напоминавшие шум уходящей грозы.

Только Фортис, похоже, осознал смысл этого странного гула.



Его лицо в буквальном смысле слова исказилось, в светлых глазах мелькнула растерянность, и он выдохнул одно короткое и простое слово:

— Вода!..

В паническом страхе, ища выхода, мы стали озираться по сторонам. Все хорошо помнили два случая, когда в ходе работ появились трещины, и рабочие едва не утонули. Лишь с большим трудом нам удалось тогда исправить положение, спасти уже проложенный участок туннеля и продолжить работу.

Но на этот раз дело обстояло серьезней. Судя по направлению, откуда доносился гул, водный поток бушевал позади нас. Путь к отступлению был отрезан. Подземелье превратилось в адскую ловушку. Через несколько минут, а может, и секунд вода затопит весь туннель, и мы погибнем.

Неожиданно погасло электричество. К счастью, фара в руках Этьена продолжала светить. Мы невольно сбились в кучку. Риккарди обнял дочь, будто желая ее защитить. Не было ни криков, ни жалоб. Мы затаили дыхание. Сердца бе-

шено колотились. Мы прислушивались к звучавшему все громче гулу воды и готовились к смерти.

Внезапно раздался оглушительный, неописуемый грохот. Вокруг нас словно обрушились горы. Нам показалось, что произошло землетрясение, но дно туннеля оставалось неподвижным под нашими ногами.

А после темнота, тишина...

Я понял, что снова дышу, но даже не успел удивиться.

Послышался голос Риккарди — чуть менее отчетливый, чем всегда.

— Полетт, милая, — сказал этот голос, — ты не ранена?

— Нет, дорогой папа, — ответила девушка, — я только на миг потеряла сознание.

Кожаный король тяжело вздохнул и затем стал звать по имени каждого из нас.

Не ответил один Грандье...

Чиркнула спичка, загорелся маленький дрожащий огонек — и вдруг темноту прорезал яркий луч света. Это Этьен нашел и снова зажег свою переносную фару, которую выпустил из рук во время обвала. Мы с ужасом увидели, что очутились в подземной полости. Участок туннеля между выходом и нами, длину которого мы установить не могли, частично обрушился, частично же был заполнен водой. Мы спаслись от наводнения и обвала только для того, чтобы медленно умереть от удушья или еще медленней — от голода. Смерть дала нам немного времени в кредит, но с какими ужасными процентами!

В нескольких шагах от нас лежало тело несчастного Грандье. Тяжелый камень превратил его голову в кровавое месиво.

Фортис, который вновь обрел, кажется, свое удивительное хладнокровие, отделился от нашей группы, подошел к телу, осмотрел его и мрачно сказал:

— Пусть покоится с миром. Он ушел первым; по крайней мере, ему не пришлось долго страдать.

Затем инженер повернулся к нам и с завидным спокойствием продолжал:

— Сейчас мы получили некоторую передышку. Ярость стихий наконец утихла. Думаю, мы все согласны, что гадать о причинах катастрофы не к чему: это может быть подводное землетрясение или обвал, вызванный тектоническими сдвигами...

— Не скажите... — хрипловатым голосом возразил Мартен-Дюпон. — Материя отомстила нам за насилие...

— Пусть будет так, — небрежно махнул рукой Фортис. — Важнее понять, что уготовила нам судьба. Пищи у нас нет. Не знаю, работают ли здесь устройства вентиляции туннеля. Я в этом сомневаюсь. Но они вряд ли уцелели за пределами полости, где мы находимся...

В доказательство инженер указал на обрушившийся участок туннеля. Он казался плотной, без единого просвета каменной массой.

Никто не стал спорить, и Фортис, помолчав, снова заговорил:

— Итак, мы должны рассмотреть три варианта: либо нас спасут рабочие — при условии, что они сами спаслись во время катастрофы и верят, что мы еще живы, а это довольно сомнительно — либо мы спасемся сами, либо...

Он замолчал. Мы и без слов понимали, в чем заключался третий вариант.

Этьен, наш шофер, спокойно достал из кармана револьвер и договорил за Фортиса.

— Лично я не собираюсь умирать от голода или удушья. Прислушайтесь к голосу сердца, дамы и господа... В барабане шесть пуль, — и он показал нам оружие, — а это означает, что мы все сможем избежать страданий... когда убедимся, что другого выхода не осталось.

— Это верно, — мягко сказал Фортис. — Есть и такой вариант...

— Даже не предлагайте! — возмутился Риккарди, выпрямившись во весь рост. — Помните горняков, которые оказались в завале и сумели пробиться на поверхность с помощью одних кирок и заступов? А у нас, — и он кивнул на перфоратор, — есть машина, способная заменить сотни шахтерских рук... Будет трусостью не воспользоваться ею...

— Следовательно, — так же мягко проговорил Фортис, — мы остановились на втором варианте. Я разделяю ваше мнение... Но предупреждаю, что в отсутствие измерительных и прочих приборов мы будем лишены возможности ориентироваться и нам придется действовать вслепую. Добавлю, что часть туннеля, весьма вероятно, затоплена... Отсюда я заключаю, что погибнуть у нас 99 шансов из 100...



— Какая разница! — оборвал его кожаный король. — Мы обязаны испробовать этот сотый шанс. И если мы погибнем — лучше погибнуть, сражаясь, чем умереть здесь без толку...

За этим энергичным возгласом последовало краткое молчание. Внезапно послышался нежный голос Полетт. Она повторила фразу, которую услышала от меня и сделала своим девизом:

— «Нет нужды надеяться, чтобы предпринимать, и преуспевать, чтобы упорствовать»...

Фортис бросил на девушку восхищенный взгляд и сказал:

— Решено! Так мы и поступим…

Но на его лице, когда он повернулся к перфоратору, помимо воли проступило такое сожаление, что пораженная Полетт остановила инженера жестом руки.

— Постойте! — воскликнула она. — У вас есть другие предложения? Помните, в этих трагических обстоятельствах каждый из нас имеет право высказать свое мнение. Среди нас больше нет начальников и подчиненных — мы только люди, собратья по страданиям…

Инженер помедлил, но затем все же направился к машине, бормоча себе под нос:

— Нет!.. Это было бы безумием!..

В этот момент я с удивлением услышал, что в разговор вмешался Мартен-Дюпон. Со времени катастрофы ученый, похоже, добровольно стушевался, как и я — впрочем, нам ли было тягаться с компетентностью Фортиса и властностью Риккарди?

А теперь Мартен-Дюпон неожиданно взял слово.

— Говорите! — сказал он инженеру. — Я, кажется, догадываюсь, о чем вы думаете… Говорите, умоляю вас!…

Он произнес это таким патетическим тоном, что Фортис сдался.

— Ну хорошо… Я все пытаюсь сообразить, не будет ли разумнее — как ни парадоксально это звучит — двинуться не назад, но, напротив, вперед? То есть, как мы собирались сделать до катастрофы, пробить кирпичную стену и посмотреть, что скрывается за ней?..

— Браво! — одобрил Мартен-Дюпон.

Признаюсь, я пришел в негодование. Как мог филолог, человек рассудительный и зрелый, поддерживать такой безрассудный план? Шофер Этьен был явно согласен со мной — я услышал, как он буркнул:

— Нут вот, тут уж они переборщили!.. Думают, мы недостаточно глубоко, хотят забраться еще глубже!

Но Фортис, высказав наконец беспокоившие его мысли, стал пылко отстаивать свою идею.

— Если мы направимся назад и попытаемся выбраться наверх, то почти наверняка, повторяю, утонем или будем

раздавлены. Что ждет нас внизу, впереди, я не знаю, но вряд ли что-то худшее... Эта стена сложена из кирпичей — ее кто-то построил... Эту надпись кто-то сделал... Этот неведомый «кто-то» живет, чем-то дышит, питается... И находится *там*, по ту сторону стены. Значит, и мы сможем *там* выжить, найдем *там* воздух и пищу.

Мартен-Дюпон кивнул. Глаза Полетт сияли. Доводы инженера, как мне показалось, убедили и шофера.

Когда инженер замолчал, заговорил филолог:

— Несчастный Грандье утверждал, что стену построили «изнутри». Наш друг Фортис, похоже, с ним согласен. Иными словами, каменщики, соорудившие стену, живут по другую ее сторону. Отсюда следует...

Риккарди пожал плечами.

— Мы теряем время в бесплодных дискуссиях, — бросил он. — Моя дочь только что правильно сказала: мы все здесь равны. Самое лучшее — проголосовать. Подчинимся решению большинства...

Несмотря на драматические обстоятельства, я невольно улыбнулся, услышав это парламентское предложение.

Кожаный король тем временем продолжал:

— Пусть те, кто хочет двигаться вперед, поднимут руки.

Я предполагал, что безумный план разделяли только Фортис и Мартен-Дюпон. К моему искреннему удивлению, поднялись четыре руки: Полетт и шофер присоединились к мятежникам.

Риккарди встретил это поражение с обычным спокойствием.

— Прекрасно... — сказал он. — Большинство приняло решение. Пойдем вперед, на стену...

VI

ЛЮДИ БЕЗ ГЛАЗ

Пока Фортис, скрывшийся в недрах перфоратора, возился с двигателем, проверяя все узлы, прежде чем запустить машину, Мартен-Дюпон подвел нас к клинописной надписи. Она была на месте — обвал не затронул эту часть туннеля.

Спокойный, словно на кафедре Коллеж де Франс*, ученый прочитал нам целую лекцию о людях, пользовавшихся этим письмом в древности.

— Немногие доступные нам документальные свидетельства о халдеях, — сказал он, — относятся к 3600 году до нашей эры, когда царь Саргон владел Сиппаром, «городом книг». Но история халдеев уходит в гораздо более древние времена... Нам известно, что халдеи были хорошо образованы, что у них имелись таблицы для вычислений, основанные на шестидесятеричной системе, благодаря которым они могли с легкостью производить самые сложные расчеты. Вот почему соседние, а также пришедшие на смену халдеям народы называли их «математиками»...

Необычаен был этот курс древней истории, прочитанный в темнице, где мы все ждали смерти. В нем звучала такая спокойная и стоическая нота, что я поневоле сравнивал добряка Мартен-Дюпона с великим Сократом.

Голос филолога вдруг прервался от волнения:

— Древние халдеи сооружали свои строения именно из кирпичей, а *на отдельных кирпичах делали надписи...*

— В таком случае, — воскликнул я, — эта надпись может быть...

---

* Знаменитое высшее учебное и исследовательское учреждение в Париже, существующее с XVI в. и предлагающее бесплатное бездипломное обучение; считается одним из ведущих интеллектуальных центров Франции.

Ученый отрицательно покачал головой.

— Все халдейские надписи, какие мне довелось видеть, выдавлены или высечены в виде углублений, а здесь перед нами *рельеф*... С другой стороны, и по виду, и на ощупь легко убедиться, что надпись сделана недавно...

— А вы видели много халдейских надписей? — спросила Полетт, слушавшая рассказ филолога с большим интересом.

— В копях, находящихся в пятнадцати милях к юго-западу от Варки*, я видел драгоценные каменные таблички возрастом в несколько тысяч лет. Халдеи, страшась какого-то катаклизма — возможно, потопа — закопали их там, чтобы сохранить о себе память. Вероятно, они верили, что люди все-таки переживут всеобщую катастрофу...

В этот миг на платформе показался Фортис.

— Все готово, — сказал он. — Двигатель работает прекрасно. Можем начинать...

Наступила торжественная минута. Мы едва сдерживали волнение.

Инженер, подготовив все к запуску, спустился к нам. Оставалось только нажать на рычаг, расположенный в задней части перфоратора — и машина атакует стену.

Но прежде, чем сделать этот решительный шаг, Фортис предупредил, что мы должны держаться в некотором отдалении от машины, так как иначе можем угодить под струю выброшенной породы.

Хорошо было бы, конечно, укрепить стены и потолок просверленного буром туннеля, добавил он. Но для этого у нас не было материалов; не имело смысла также думать о вывозе извлеченной породы...

— Правда, новый туннель вряд ли окажется слишком длинным, — заключил инженер. — Одно из двух: либо кирпичная стена отделяет нас от открытого пространства, где обитают строители, и наш бур быстро проделает отверстие,

---

* Варка — современное селение на месте древнего шумерского города-государства Урук в нынешнем Южном Ираке; название его иногда используется как синоним Урука.

которое позволит нам проникнуть туда — либо наше воображение было обмануто рядом странных совпадений, и мы так же быстро поймем свою ошибку. А теперь — вперед!..

Он нажал на рычаг. Двигатель взревел. Инженер нажал сильнее, и могучая машина ринулась на стену. Она прошла ее без всякого усилия и скрылась в густом желтоватом облаке пыли, оставив позади груды каменных обломков.



Ослепленные, задыхаясь, мы прошли немного вперед, вслед за перфоратором...

Неожиданно в лицо нам ударил сильный порыв ветра, мы вдохнули чистый воздух. В ту же секунду машина, увлекаемая силой инерции, с грохотом покатилась в пропасть.

Предсказания Фортиса и Мартен-Дюпона сбылись: мы очутились в открытом пространстве, в своего рода громадной подземной пещере, атмосфера которой была насыщена кислородом.

Машина, проломив стену, только что упала в невообразимую бездну. Мы с содроганием слышали, как она, натыкаясь на скалы и издавая металлический лязг, летела вниз. Грохот удалялся, но, казалось, продолжался бесконечно, что навело нас на пугающие заключения о размерах пещеры.

Постепенно шум затих, но мы не могли знать, случилось ли это потому, что стальная масса достигла дна или же отдалилась на такое расстояние, что звуки до нас уже не долетали...

Как бы то ни было, мы могли теперь забыть об опасности умереть от удушья, одном из наших главных страхов. Не знаю, что чувствовали в этот знаменательный миг мои спутники, но меня охватило невероятное облегчение. Я испытывал чувство пылкого восторга и был глубоко благодарен инженеру и филологу, чье смелое предложение привело нас к этому колоссальному резервуару кислорода.

Мы подошли к отверстию. За ним лежал непроницаемый мрак.

Фортис взял у Этьена фару и осветил лучом скалистые стены пещеры.

Перед нами, под сравнительно небольшим углом, уходил в темноту широкий склон; многочисленные выбоины и неровности позволяли не бояться падения.

— Нужно спускаться, — сказал инженер.

Никто и словом не возразил, хотя после пережитого ужаса все мы начинали ощущать усталость.

Так начался наш долгий и тяжкий путь к неведомой и фантастической цели.

Каждый шаг приближал нас к центру земли, каждый пройденный метр уводил все дальше от прекрасного голубого неба и яркого солнца. Но мы шли вперед, зная, что движемся к месту, где человек может выжить и где уже обитают человеческие существа.

Свет ацетиленовой фары указывал нам этот путь и предупреждал о пропастях, которые открывались то тут, то там; на дне одной из них лежала изувеченная машина, созданная изобретательским гением Фортиса.



Все молчали. Мы слышали только тяжелое дыхание друг друга. Я чувствовал глубочайшую усталость и почти непреодолимую тягу ко сну. Если бы не страх отстать от товарищей и остаться в одиночестве, во мраке, я давно лег бы на каменистый склон и уснул...

Внезапно мы ощутили под ногами ровную поверхность. При свете фары мы увидели, что оказались на своеобразной дороге с эластичным покрытием; по краям ее высились странные растения, похожие на водоросли и такие же бес-

цветные, чуть сероватые, как само дорожное покрытие.

Фортис остановился и повернулся к нам.

К Полетт он обратился первой:

— Вы, вероятно, устали, мадмуазель?

— Да, — вздохнула девушка. — Очень устала.

— Думаю, нам всем неплохо будет немного отдохнуть, — но при условии, что все мы будем по очереди стоять на страже.

— Вашими устами говорит мудрость, — отозвался Мартен-Дюпон. — Судя по расшифрованной нами надписи, мы и есть те самые «нечестивые захватчики», которым она адресована. Похоже, будет по меньшей мере глупо рисковать и позволить авторам надписи захватить нас врасплох, во сне. Поэтому я предлагаю не только установить дежурства, но и попытаться спрятаться в этом удивительном лесу...

И он указал на сероватые кусты по краям дороги.

Вслед за его жестом обернулись и мы — и мгновенно обнаружили подходящее местечко для импровизированного бивуака. Это была округлая поляна, окаймленная густыми зарослями и покрытая мягкой травой, такой же сероватой, как и листва. Здесь, посреди мрачного окружения, словно царило равномерное нежное тепло, так располагавшее к сладкому сну...

— Если вы не возражаете, — сказал Риккарди, — я буду первым. Дежурить я могу, сколько угодно: в сон меня совсем не клонит.

К нашему стыду, никто и не подумал оспаривать у отца Полетт эту неприятную прерогативу — такова уж несовершенная человеческая природа. Этьен, растянувшись на траве, уже спал. Фортис сорвал несколько пучков травы и сделал подушку для Полетт; та положила на нее голову и закрыла глаза, не позабыв наградить инженера ласковой благодарной улыбкой. Мартен-Дюпон, спотыкавшийся и буквально падавший от усталости, лег на бок и тотчас ушел в страну снов. Что касается меня, то голова моя сильно кружилась. Засыпая, я еще успел услышать короткий диалог между Фортисом и Риккарди.

— Разбудите меня через два часа, — сказал инженер.

— Хорошо.

— Мне кажется, лучше потушить фару, — снова заговорил Фортис. — Свет нужно экономить...

— Хорошо, — так же лаконично ответил Риккарди.

Затем наступила темнота и восхитительное забытье сна.

* * *

Не знаю, как долго я спал. Проснулся я, когда чья-то энергичная рука стала трясти меня за плечо.

Я готов был вскрикнуть, внезапно вспомнив о зловещем месте, где мы находились, но возглас замер у меня в горле... Хорошо знакомый голос — голос Фортиса — прошептал мне на ухо:

— Тихо! Молчите и слушайте...

И я услышал... В нескольких метрах от нашей импровизированной спальни оживленно переговаривались на незнакомом мне языке человеческие голоса. Люди находились где-то на дороге, которую мы предусмотрительно покинули.

Вокруг была полная, абсолютная темнота. На дороге, однако, звучали шаги — такие уверенные, словно невероятные обитатели этого царства тьмы без труда умели передвигаться в вечной ночи.

Фортис снова зашептал мне в ухо:

— Внимание! Я сейчас зажгу свет. Остальных я уже предупредил. Ни единый шорох не должен выдать наше местоположение.

— Но разве свет нас не выдаст? — прошептал я в ответ.

— Одно из двух, — сказал Фортис, как давеча в туннеле. — Либо они никталопы и видят в темноте, и тогда не имеет значения, горит фара или нет, либо...

Он замолчал.

— Либо?

— Нет, ничего... — шепнул он. — Вторая гипотеза слишком безумна. И все-таки...

Он не договорил и чиркнул спичкой. Секунду спустя из фары вырвался мощный луч и ярко озарил дорогу сквозь просвет в кустах.



Все вскочили на ноги и стали с нетерпением смотреть в том направлении, откуда доносились шаги и человеческие голоса.

На дороге мы увидели группу людей, одетых в развевающиеся хламиды землистого цвета. Они переговаривались, помогая себе размашистыми и очень странными жестами. Их руки порой будто мяли и лепили что-то в воздухе;

казалось, что они, если можно так выразиться, «ощупывали пространство». К нашему удивлению, яркий луч фары, резко осветивший дорогу, даже не заставил их остановиться — *они точно совсем его не заметили*...

Когда один из них машинально повернулся в нашу сторону, мы все поняли. Он был лишен глаз! Глазницы были лишь намечены, как на мраморных статуях — они заросли мясом и были покрыты кожей. На этом лице не было ни ресниц, ни бровей, ни подвижных век.

Полетт подавила крик ужаса, а Мартен-Дюпон, считавший себя последователем Дарвина, прошептал:

— Если функция создает орган, бездействие заставляет его атрофироваться и наконец исчезнуть. На протяжении жизни сотен и сотен поколений эти существа, несомненно, не нуждались в глазах... и вот их глаза исчезли.

VII

В ПОИСКАХ СВЕТА

Волнение, вызванное удивительным открытием, вскоре сменилось иным чувством — смешением суеверного страха, острого любопытства и глубокого изумления. А тем временем в луче света на дороге появилась еще одна группа людей.

На сей раз это безусловно были солдаты. Каждый из них был вооружен длинным копьем и висящим на поясе мечом. Их оружие, как заверил нас позднее Мартен-Дюпон, полностью соответствовало образцам, найденным при раскопках на месте древней Халдеи.

Солдаты, чей отряд насчитывал тридцать человек, маршировали в такт и в совершенном порядке, хоть и были, как и первая группа, абсолютно слепы.

Они выстроились плотным строем в виде треугольника, основание которого было перпендикулярно оси дороги. Роль вершины треугольника играл один человек, без сомнения, командир отряда, так как его туника была украшена богатыми рельефными нашивками. В руке вместо копья он нес нечто вроде командирского жезла, которым описывал в воздухе прихотливые арабески.

Первая группа существ отодвинулась, пропуская отряд. Солдаты направились к склону, откуда мы недавно с таким трудом спустились, и стали быстро подниматься наверх.

Фортис направил на них луч фары, и мы увидели, что эти странные слепые воины ориентировались не хуже и даже лучше нас, зрячих. Они легко и уверенно огибали выбоины и провалы.

Солдаты исчезли в темноте. Громкие восклицания снова обратили наше внимание на первую группу. К ней присоединились другие безглазые создания, и первые стали что-то оживленно им объяснять, делая размашистые жесты. Новоприбывшие отвечали тем же.

Их жестикуляция отличалась такой же необъяснимой странностью: казалось, они все время гладили, разминали, ощупывали пространство.



Последняя группа тянула за собой небольшую и довольно грубо изготовленную тележку с цельными и скрипучими колесами. Нам показалось, что она была нагружена кирпичами и строительными инструментами.

Две группы слились в одну, и толпа безглазых направилась вслед за солдатами. Когда они скрылись и дорога опустела, наше вынужденное молчание сменилось бурным потоком слов. Все говорили одновременно и непривычно громко.

Каждый оценивал увиденное в зависимости от своего характера и темперамента.

— Бедные люди! — вздохнула Полетт.

— Одежда и оружие в точности как в древней Халдее! — с большим энтузиазмом заявил Мартен-Дюпон.

— Ну и партия игроков в жмурки! — ухмыльнулся Этьен. — Им бы еще все время кричать: «Засалил, засалил!»

— Они собираются, конечно, починить и укрепить стену, которой перегородили мой туннель, — пробормотал Риккарди.

Мы продолжали торопливо обмениваться подобными замечаниями. Только Фортис, кратко высказав свои впечатчатления, замолчал и о чем-то задумался. И наконец, когда мы через несколько минут утолили свою словесную жажду, инженер холодно произнес:

— Я полагаю, что нам придется вступить в сношения с этими неведомыми людьми, пусть хотя бы ради собственного выживания... Не пройдет и нескольких часов, как нас подтолкнут к этому голод и жажда... В настоящий момент мы находимся в лучшем положении, чем обитатели здешнего мрачного края — ведь мы их видим, а они нас нет. Мы, безусловно, превосходим туземцев, несмотря на их непостижимое умение ориентироваться в темноте. Но...

Он помолчал несколько секунд, быстро осмотрел фару и затем посреди общего молчания веско продолжал:

— Но наше превосходство достаточно эфемерно. Запасы воды и карбида, обеспечивающие нас ацетиленовым газом для фары, быстро истощаются. Светить она будет еще примерно три часа. После этого мы окажемся в полной темноте, в окружении враждебных существ (а клинописная надпись доказывает их враждебность), привычных к этой вечной ночи. Мы будем бессильны... Поэтому я считаю, что нам лучше действовать безотлагательно и смело встретить безглазых людей лицом к лицу, пока мы еще способны хоть что-то видеть... От первого контакта с ними зависит все наше будущее...

После рассудительной речи инженера воцарилась глубокая тишина.

Ее нарушил Этьен.

— Ха! — с вызовом сказал шофер. — У меня в револьвере шесть зарядов.

Но на сей раз никто не счел, что он имеет в виду добровольный уход из жизни.

В нас властно говорил инстинкт самосохранения, и каждый лелеял в себе ребяческое заблуждение, хорошо знакомое побывавшим на войне: счастливо пережив столько смертельных опасностей, мы восторжествуем, несомненно, и над новыми угрозами...

Однако Риккарди после некоторого размышления поддержал инженера:

— Я полностью согласен с Фортисом. Необходимо как можно скорее представиться «безглазым»... Тем не менее, я также считаю, что мы должны принять некоторые меры предосторожности. Как сказал наш друг, у нас еще остается в запасе три часа. Предлагаю посвятить часть этого драгоценного времени исследованию странного леса, где мы провели ночь. Возможно, мы найдем — если они вообще здесь имеются — какие-то материалы для изготовления пусть самых примитивных светильников, факелов, например.

Его предложение было встречено с одобрением. Должен сказать, что от жуткой картины, нарисованной инженером, кровь похолодела у меня в жилах. Что станется с нами, если нам придется блуждать без света в громадной и темной пещере, среди людей без глаз? Слова Риккарди немного рассеяли ужас этого пугающего и зловещего видения.

Фортис и сам согласился с ним.

— Вы тысячу раз правы, — сказал он кожаному королю. — Приступим к поискам немедленно.

Проживи я сотню лет и больше, я никогда не забуду эти бесплодные поиски в странном лесу, при свете единственной фары... Здесь не было больших деревьев, да и вообще ничего, кроме напоминавших водоросли растений и хилых папоротников, и все они, как на подбор, были одинаково блеклыми и сероватыми, что придавало этому ландшафту под Средиземным морем атмосферу мрачного запустения. Самые тщательные поиски ни к чему не привели. Не знаю, о чем думали мои товарищи по несчастью, но меня преследовала мысль о том, что наше время на исходе и что вскоре нас поглотит вечная ночь.

Я часто посматривал на часы. Стрелка бежала с тревожной быстротой.

Мало-помалу к боязни лишиться света присоединились новые страхи. Жестокие спазмы в желудке напомнили мне, что я ничего не ел вот уже тридцать шесть часов. Переживания, драматические события и усталость заставили меня забыть о еде, но теперь природа требовала свое, и острое чув-

ство голода стало вытеснять все прочие мысли...

Скрывая характерную голодную зевоту, я обвел взглядом своих спутников. Все они, безусловно, испытывали те же терзания — и все гордо подавляли готовые вырваться жалобы. На лице Полетт проступила мертвенная бледность, ее неверные движения напоминали походку сомнамбулы. Казалось, лишь сила воли удерживала ее на ногах.

Этьен, наш шофер, заговорил первым.

— Черт возьми, — внезапно простонал он, — я не отказался бы от доброго бифштекса с картошкой...

Тут мы все словно сорвались с цепи. Все, кроме Фортиса, пылко заговорили о необходимости поскорее найти какую-нибудь еду, даже если это означает сдаться на милость слепцов и отказаться от всякой надежды найти новый источник света.

Голод сломил и всегда энергичную Полетт. Она жалобно бормотала:

— Как хочется есть! Ах! Как я голодна...

Риккарди бросил на нее истерзанный болью взгляд, полный горести и бесконечной любви, какую я и не подозревал в миллиардере.

Затем он шагнул к Фортису. Тот, с фарой в руке, наклонился над каким-то прежде не попадавшимся нам кустиком и, казалось, не слышал наших стенаний.

Думаю, инженер напоминал в тот миг Христофора Колумба в кольце взбунтовавшихся матросов.

Мы больше не хотели ничего искать; мы хотели лишь во что бы то ни стало утолить голод. Риккарди готов был прокричать это Фортису. Я заметил, что Этьен тайком достал свой револьвер. Даже наш милый ученый, Мартен-Дюпон, был вне себя.

Риккарди не успел заговорить. Фортис выпрямился, в его ясном взгляде горела радость.

— Думаю, — воскликнул он, — что...

Увидев наши лица, искаженные болью и злобой, инженер замолчал.

— Ах, да... — только и сказал он.

Он пошарил в кармане и извлек что-то прямоугольное и плоское, в чем мы со счастливым изумлением узнали плитку шоколада.

Фортис протянул шоколад Риккарди со словами:

— Разделите сами... Слава Богу, у меня есть привычка всегда иметь при себе немного этого деликатеса.



После этого он вернулся к своему кустику и стал внимательно разглядывать его, позабыв обо всем, что творилось у него за спиной, и не заботясь о своей части драгоценного шоколада. Риккарди, однако, не забыл об инженере.

Каждому досталось очень мало — Риккарди раздал на первый раз по половине дольки. Но этого было достаточно, чтобы вернуть нам мужество и немного поднять наш дух.

С надеждой и любопытством мы стали следить за странными манипуляциями Фортиса.

Он сорвал с куста лист, помял его в руках, растер в ладонях, понюхал.

Листья эти были очень длинными и довольно широкими. Инженер стряхнул с ладоней остатки листа, который он только что так внимательно изучал и затем уничтожил, сорвал другой лист и скатал его в длинную и тонкую трубку. Затем он чиркнул спичкой и поднес ее к кончику своей растительной свечи.

Послышался негромкий треск, и в неподвижном воздухе громадной пещеры загорелось маленькое яркое пламя.

Не говоря ни слова, Фортис извлек часы и с минуту смотрел на циферблат. И наконец, подняв на нас смелые, светящиеся умом глаза, он объявил:

— Эти листья пропитаны изнутри неким растительным маслом. Я только что рассчитал, что каждый из них может гореть на протяжении часа — а здесь их бесконечное множество.

Он указал на окружавшие нас кусты.

Мы смотрели на него с радостью и благодарностью, искренне сожалея о недавних мятежных мыслях.

Фортис продолжал:

— Я думаю, что нам прежде всего необходимо обеспечить себя большим запасом этих ценных листьев и отметить место, где растут нужные кусты. Каждый понесет определенное количество листьев: может случиться так, что мы разделимся, и даже в изоляции любому из нас должен быть доступен свет.

Эти разумные предложения были немедленно приняты и воплощены в жизнь.

Фортис погасил ацетиленовую фару, вероятно, желая сберечь ее на случай, если возникнет необходимость в более ярком свете, и теперь окружающий мрак рассеивал только свет дюжины горящих листьев.

После этого мы собрали и разделили поровну все наши спички.

По общей просьбе Риккарди вновь раздал шоколад (еще по половине дольки на каждого). Но если терзавший нас го-



лод на мгновение отступил, мы почти сразу ощутили новую пытку — муки жажды.

— Сейчас, когда у нас достаточно свечей и мы знаем, где их найти, — сказал Риккарди, — ничто не мешает нам пойти к безглазым людям и попросить у них воды...

Все согласились. Мы направились обратно по собственным следам, пытаясь обнаружить среди зарослей дорогу.

VIII

ШЕСТОЕ ЧУВСТВО

Наша процессия, думаю, представляла собой живописное и одновременно жалкое зрелище. Мы шли гуськом, как индейцы. Каждый держал в руке длинный свернутый лист, горевший тусклым и дрожащим пламенем, и наши длинные фантастические тени ложились на поросшую серой травой землю.

Фортис шел впереди. Мы продвигались медленно — было нелегко найти путь среди этих одинаковых кустов. Тусклые огоньки наших свечей были единственным островком света в ужасающем мраке...

Я шел замыкающим и, должен признаться, частенько поеживался, чувствуя за спиной неведомую и черную безмерность. Я был подавлен, ощущая вдобавок физическую усталость и голод, и меня все время бил озноб.

Кажется, мы сбились с пути, так как обратный путь занял у нас значительно больше времени, чем путь к нашему лагерю. Да и на дорогу, как выяснилось позднее, мы вышли в другом месте — гораздо дальше от стены и, следовательно, ближе к городу безглазых людей.

Так или иначе, мы ощутили облегчение, когда наконец выбрались из зарослей, где уже боялись окончательно заблудиться.

Ради первой встречи с обитателями пещеры Фортис зажег ацетиленовую фару, и мы погасили ставшие ненужными свечи.

Мы решительно повернулись спиной к нашему туннелю и в свете фары более уверенно зашагали по дороге. Через некоторое время Фортис вдруг коротко бросил, понизив голос:

— Стойте!

В пятидесяти шагах от нас появились два человеческих силуэта.

— Я попытаюсь обратиться к ним на их языке, — пробормотал Мартен-Дюпон, выдвигаясь вперед.

Незнакомцы, похоже, нас не заметили. Они шли навстречу нам беззаботной походкой, словно прогуливаясь. Но в двадцати шагах от нас они вдруг остановились. Безглазые лица повернулись к нам, открытые рты и наморщенные лбы отразили глубокое удивление. Они протянули руки вперед, пальцы их странно задвигались, будто сминая что-то в воздухе — те же движения мы видели и раньше, но смысл их по-прежнему не понимали. Незнакомцы издали испуганные возгласы и отступили на несколько метров. И тогда филолог неуверенным, дрожащим голосом, подыскивая слова, заговорил с ними.

Позднее я узнал содержание этого первого диалога между «людьми с поверхности» и «людьми из пещеры». Мартен-Дюпон говорил на древнехалдейском; хотя у обитателей пещеры этот язык с течением времени несколько видоизменился, они хорошо понимали ученого и вполне понятно отвечали.

Вот сокращенный пересказ разговора.

Наш друг, решив, что лучше всего будет прибегнуть к высокопарным оборотам древних, воскликнул:

— Благородные потомки самой великодушной из рас, не согласитесь ли вы в доброте своей дать приют чужестранцам, заброшенным к вам страшной катастрофой? Мы безоружны. У нас нет враждебных намерений. Мы умираем от голода и жажды. Мы взываем к вашему гостеприимству.

На самом деле, титул «благородные потомки самой великодушной из рас» звучал гораздо более цветисто.

Один из незнакомцев ответил на маленькую речь Мартен-Дюпона простыми словами:

— Подойди и вели подойти твоим спутникам, *чтобы мы могли разглядеть их поближе*...

Когда филолог перевел эту неожиданную фразу, мы были изумлены не меньше наших собеседников. Как именно эти безглазые люди собирались нас разглядеть?

Мы обменялись быстрыми взглядами, но не сочли возможным игнорировать приказание и сделали несколько ша-

гов вперед.

— Еще ближе! — крикнул безглазый человек.

На сей раз перевод не понадобился — хватило и жеста. Мы подчинились и оказались в двух метрах от туземцев. Теперь мы смогли хорошенько их рассмотреть.

Они были одеты в землистого цвета хламиды со своего рода рельефной, резко выделявшейся вышивкой. Лица и руки отливали знакомой серостью и были очень неприятны на вид.

На ногах у них были сандалии, сплетенные из волокон растений.

Оба туземца снова протянули к нам руки и бешено зашевелили пальцами в воздухе.

Затем первый произнес фразу, которую Мартен-Дюпон перевел так:

— Да, *я вижу*, что вы не очень отличаетесь от нас, и вы не кажетесь мне опасными. К несчастью для вас, нами правит «закон чисел». Ну что ж! Посмотрим! Следуйте за мной...

Он повернулся к нам спиной, как видно, не страшась никакого нападения с нашей стороны, и зашагал по дороге.

Пораженные таинственными словами, только что переведенными нашим ученым другом, мы пошли за незнакомцем.

Спутник проводника шел с фланга нашего маленького отряда, словно пастух, и пальцы одной его руки, протянутой к нам, постоянно находились в движении.

Мартен-Дюпон на ходу изложил гипотезу, объяснявшую его странное поведение:

— Этот удивительный народ, утрачивая из поколения в поколение органы зрения, наверняка приобрел дополнительное чувство, естественным образом призванное их заменить. Их привычка «ощупывать пространство» подсказывает мне, что руки безглазых людей наделены способностью «прикасаться на расстоянии», занявшей место зрения. Прибавив к этому «ощущение препятствий», которым обладают и слепорожденные на поверхности, мы легко поймем, как этим жителям тьмы удается с уверенностью ориентироваться и передвигаться, избегая опасностей. Мало то-



го, глагол «видеть» и его производные сохранились в их языке и просто изменили значение. Они «видят» руками, если можно так выразиться...

Объяснение звучало логично. Риккарди заметил:

— Находчивое и вполне правдоподобное допущение. Но мне любопытно, что это за «закон чисел», которым они нам пригрозили?

Филолог в недоумении развел руками. Этьен проворчал:

— Мне нет дела до их законов и чувств, дополнительных или нет! Хотел бы я только знать, дадут ли нам воду и еду!

Собственно говоря, я разделял мнение шофера, но восхищался и ученым — в такую критическую минуту он способен был строить научные теории, забывая о голоде.

Мои размышления оборвались: мы подошли к большому круговому перекрестку. Насколько мы могли видеть при свете фары, к нему сходились с разных сторон дороги, напоминавшие ту, по которой мы пришли. В центре этой площади стоял большой каменный куб. Издали я принял его за фонтан и бросился вперед в надежде наконец утолить жажду.

Мои спутники, видимо, пришли к тому же выводу и побежали следом.

Каково же было наше разочарование, когда оказалось, что каменный куб замкнут со всех сторон!

Наш проводник также, хотя и с меньшей поспешностью, приблизился к кубу и трижды ударил своим посохом по его верхней грани.

К нашему глубочайшему удивлению, камень завибрировал, как хрусталь или плитка сланца, отвечая на каждый удар глухим долгим звуком.

За этими долгими звуками последовало молчание. Испытывая необъяснимую тревогу, мы безмолвно дрожали и ждали объяснений. Один из наших спутников исчез. Второй, говоривший с нами и, по-видимому, обладавший более высоким рангом, недвижно и молча стоял у каменного куба.

И вдруг, откуда ни возьмись, появилась целая толпа туземцев.

Площадь заполнили безглазые сероватые фигуры; при этом слепцы двигались очень ловко, не сталкиваясь друг с другом. Судя по всему, они следовали какому-то заранее разработанному плану.



Они обступили центральный куб и стали «ощупывать» руками наш отряд, стоявший у каменного сооружения.

«Рассмотрев» нас с помощью своего шестого чувства, все издавали удивленные восклицания.

Мало-помалу снова воцарилась тишина. Безглазые люди отошли на свои места и застыли неподвижно — лишь руки и пальцы все время оставались в движении. Я насчитал около трех сотен туземцев, окруживших нас со всех сторон.

Полетт, буквально падавшая от усталости и измученная голодом, не выдержала чудовищного напряжения. Ноги ее подкосились и она упала бы, если бы Фортис и отец не поддержали ее. Они осторожно опустили девушку на землю.

Мартен-Дюпон тотчас с живостью и страстью обратился к толпе.

По его жестам и интонациям я понял, что он просил туземцев помочь несчастной девушке.

Что-то похожее на сострадание промелькнуло на сером и угрюмом лице нашего проводника, и он в свою очередь произнес несколько слов.

— Мы принесем вам еды и питья, — перевел Мартен-Дюпон, — чтобы вы могли привести в чувство это бедное дитя и подкрепить свои силы.

Фортис и Риккарди кивками поблагодарили, все еще хлопоча над Полетт, а Этьен пробормотал:

— Самое время!.. Я уже собирался снести из револьвера полдюжины голов этих уродов.

Через минуту перед нами поставили большую глиняную амфору, полную чуть теплой, с железистым привкусом, но показавшейся нам чудесной воды, и большое блюдо с беловатыми мягкими ломтиками отваренной и подсоленной рыбы.

Пока мы с жадностью ели и пили, понемногу приходя в себя, туземцы устроили нечто вроде парламентского заседания. Оно сопровождалось жаркими спорами.

Основное содержание этих дебатов изложил нам Мартен-Дюпон.

Наш проводник — соплеменники называли его Тотисом — был председателем ассамблеи. Он объяснил собранию, как повстречал нас и как поражен был обстоятельствами нашего появления, а затем предоставил слово нескольким слушателям.

Возможно ли, что Мартен-Дюпон не все правильно понял? Как бы то ни было, эти речи, за исключением слов Тотиса, показались нам довольно путаными. Упоминались «захватчики земель» и «закон чисел»; этот халдейский термин так часто упоминался в их разглагольствованиях, что я уже научился его распознавать и без перевода нашего ученого друга.

Тотис произнес заключительную торжественную речь, а затем повернулся к нам и что-то спросил.

— Сейчас последует настоящий допрос, — быстро предупредил Мартен-Дюпон.

И он стал отвечать на вопросы Тотиса, как можно яснее и на чистейшем халдейском объясняя собравшимся, кто мы такие и откуда пришли.

Тем временем я поглядывал на ближайших туземцев — и видел на их лицах одни только недоверчивые ухмылки.

История выходцев из какого-то неведомого внешнего мира явно казалась им чрезвычайно комичной.

Тотис, вероятно, высказал общее мнение, подведя итог одной краткой фразой, вдохновившей ученого на следующее наблюдение:

— Они считают нас обманщиками и утверждают, что мы пришли из другого подземного города, чтобы отнять их земли. Они хотят применить к нам пресловутый «закон чисел», считая, что мы хорошо знакомы с его положениями.

Риккарди осенила счастливая мысль.

— Друг мой, — вы можете доказать, что мы действительно отличаемся от них. Скажите им, что у нас есть глаза, веки, которые открываются и закрываются, ресницы, брови...

Мартен-Дюпон так и сделал. Его объяснения, возможно, спасли нас от немедленной расправы, но подвергли очень неприятным прикосновениям. Желая получше разобраться в удивительном явлении, безглазые люди решили нас ощупать, и я до сих пор содрогаюсь при отвратительном воспоминании о сотнях проворных, чуть пахнущих жиром сероватых пальцев, сновавших по моему лицу и притрагивавшихся к глазам...

IX

«ЗАКОН ЧИСЕЛ»

Итак, парламентская сессия завершилась для нас унизительным ощупыванием. После этого безглазые люди разразились ужасной какофонией голосов. Все говорили одновременно, что напомнило мне о некоторых заседаниях на поверхности земли. Час спустя нас под надежной охраной препроводили в своего рода каземат, очень похожий на тюрьму.

Несмотря на все познания в халдейском, Мартен-Дюпону так и не удалось установить среди этой вакханалии, какая из партий одержала верх. По его мнению, туземцы не пришли к согласию относительно нашей судьбы и постановили до принятия решения держать нас под арестом.

У дверей каземата стояли стражники с острыми копьями. Хоть у них и не было глаз, они очень внимательно следили за нами.

Их руки были все время протянуты к нам, дьявольские пальцы постоянно шевелились, и я готов поклясться, что ни одно наше движение не ускользало от них.

Мы, в свою очередь, собрались вокруг шести наших растительных свечей и устроили совет.

Мартен-Дюпон доказывал, что мы должны постараться задобрить негостеприимное подземное племя, показать туземцам, что никогда не желали причинить им вреда, тянуть время и искать способ выбраться из этого темного мира.

Я разделял его мнение, казавшееся мне наиболее резонным. И все-таки где-то в глубине души я не переставал с тревогой думать о жутком «законе чисел», представлявшем для нас явную угрозу.

Риккарди и его дочь также согласились с ученым.

Фортис, казалось, думал о чем-то другом. Он с любопытством осматривал пол каземата и внимательно разглядывал устилавшую его черную гальку.



Один лишь Этьен предлагал использовать силу. Размахивая своим револьвером, он кричал, что нужно пробиваться к свободе. Не без труда нам удалось убедить его отказаться от этой отчаянной, но тщетной и безумной попытки.

Пока мы спорили, Фортис поднял голову.

Улыбка озарила его умные и тонкие черты.

— А известно ли вам, — сказал он без всяких предисловий, — что это за галька, по которой мы так беззаботно ступаем?

По тону его мы догадались, что инженер сделал какое-то важное открытие.

— Золото? Алмазы? — с внезапным интересом осведомился Этьен.

Инженер махнул рукой.

— Нет, это нечто куда более драгоценное для нас, — ответил он. — Это карбид кальция. Если мы найдем воду — а вода здесь есть, как нам известно — мы сможем ярко и сколько угодно долго освещать нашу темницу фарой вместо этих крошечных тусклых свечей!

Только Этьен казался разочарованным. Все остальные, включая и меня, были вдохновлены сенсационным открытием.

Нашу беседу, однако, прервало появление Тотиса. С ним были два туземца, которые принесли еду и большой сосуд с чистой, хотя и как всегда тепловатой водой.

Даже не притронувшись к еде, инженер немедленно зарядил фару и осветил нас ярким лучом, встреченным радостными возгласами.

Мартен-Дюпон, отойдя в угол, о чем-то беседовал с Тотисом — последний, кажется, испытывал к нам некоторую симпатию.

Когда Тотис ушел и наша ребяческая радость при виде фары утихла, Мартен-Дюпон обратился к нам. Мы заметили, что он побледнел.

— Несчастные мои друзья! — начал ученый. — Я поговорил с этим человеком и наконец узнал, что такое знаменитый «закон чисел». Тотис сказал мне, что не сможет нас защитить, несмотря на все свое желание. Следует признать,

что у нас мало надежды избежать гибели...

Мартен-Дюпон помедлил. Затаив дыхание, мы ждали продолжения.



— Племя безглазых людей, — вновь заговорил ученый, — насчитывает несколько тысяч мужчин и женщин. Если я правильно понял, они составляют общество, аналогичное нашему. Живут они достаточно бедно, питаются в основном травами, грибами и рыбой, которую ловят в озере, расположенном, похоже, недалеко отсюда. Каких-либо других живых существ они здесь никогда не встречали.

— Но как они готовят эти травы, грибы, рыбу? — вмешался практичный Этьен.

Несмотря на всю свою тревогу, ученый невольно улыбнулся, услышав этот вопрос.

— Полагаю, в «Городе мрака», как мы можем назвать это место, имеются источники кипящей воды, и жители научились искусно пользоваться ими для приготовления пищи...

— Но только вареной! — пробурчал неисправимый шофер.

На сей раз никто не обратил внимания на его замечание, и Мартен-Дюпон продолжал:

— Перейдем к печально известному «закону чисел». Много поколений назад люди, населяющие это царство тьмы, пришли к заключению, что возможности выжить здесь весьма ограничены. По этой причине в очень древних законах, против которых никто не осмеливается возражать, была провозглашена абсолютная необходимость ограничивать количество населения. Система чрезвычайно проста: всякий раз, когда рождается ребенок, старейший или наименее полезный для остальных член семьи новорожденного ipso facto* в тот же день приговаривается к смерти. В этом зловещем краю никто не умирает от старости! Более того, закон распространяется и на чужеземцев, на представителей других народов, то есть на всех, кто окажется, подобно нам, в царстве безглазых людей! В том-то и состоял смысл надписи, запрещавшей нам двигаться дальше. Обитатели тьмы верят, что в где-то в других подземных пещерах таятся враги, которые давно стали чересчур многочисленны и теперь мечтают захватить их земли. И однако, несмотря на свою чудовищную немощь, потомки древних халдеев сохранили страсть к науке. В их ассамблее именитых граждан образовалась отдельная партия — к ней принадлежит, кстати, и наш Тотис. Эти ученые, из научного любопытства, хотели бы оставить нас в живых...

— Значит, мы для них любопытные зверушки? — воскликнул Этьен.

Мартен-Дюпон спокойно продолжал говорить: то самое научное любопытство победило в нем в этот миг инстинкт самосохранения.

---

* В силу самого факта (*лат.*).

— В ходе беседы с Тотисом, — заметил он с довольной улыбкой, — мне удалось установить, что история этой странной расы измеряется многими тысячами лет. Какой катаклизм забросил нескольких людей в глубины земли? Этого я не знаю. Но можно с уверенностью сказать, что эти несколько человек стали родоначальниками целого народа. Семья превратилась в племя, постепенно утратившее органы зрения и развившее иное чувство восприятия. Так возникла уникальная цивилизация, живущая под эгидой неумолимого «закона чисел»...

Мартен-Дюпон замолчал и погрузился в глубокую задумчивость.

Риккарди, Полетт, шофер и я в ужасе молчали, устрашенные откровениями ученого. Но инженер Пьер Фортис — такой же гордый ученый! — тихо сказал:

— Вопрос в том, откуда здесь насыщенная кислородом атмосфера, позволившая этой расе развиваться? Возможны две версии: либо воздух исходит из земли, что противоречит всем научным теориям, разработанным... там, наверху — либо же следует допустить, что где-то существует забытый канал сообщения с поверхностью...

Риккарди тут же сделал практический вывод из этого предположения.

— Но если, — вскричал он, — где-то есть выход на поверхность, мы еще можем надеяться снова увидеть солнце? Друзья мои, мы должны во что бы то ни стало бежать из нашей тюрьмы и искать этот выход!

— Браво! — поддержал Этьен.

Но Фортис только покачал головой.

— Какой ни парадоксальной кажется первая гипотеза, я склоняюсь к мысли, что она соответствует истине. Неужели вы думаете, что если бы отсюда имелся выход, безглазые люди за столько лет его бы не нашли?



X

ПОБЕГ

Следующие дни не принесли никаких изменений, и наше положение по-прежнему оставалось безнадежным. Дебаты, эхо которых долетало до нас, продолжались без всякого результата, плохого или хорошего.

Наш друг Тотис и его сторонники стояли на своем. Но неумолимые апостолы «закона чисел» были такими же рьяными и не менее влиятельными.

Нам разрешили — под охраной — совершать прогулки по Городу мрака. Порой нам вновь приходилось терпеть неприятные прикосновения жителей, но мы мирились с ними, лишь бы нам позволяли покидать тюрьму. Благодаря постоянно горевшей теперь фаре мы смогли ознакомиться с этой странной цивилизацией слепцов.

Улицы и дома были аккуратно пронумерованы, причем все цифры были высечены в виде рельефов.

Общественные здания украшала рельефная резьба. Жутко было видеть, как безглазые люди издали «читали» эту резьбу пальцами.

У них была даже литература, записанная на глиняных кирпичах! Их «библиотека», если можно так выразиться, представляла собой длинные ряды средней высоты стен, испещренных клинописными знаками.

Все это приводило в восторг Мартен-Дюпона, и он забывал о нашей ужасной ситуации. Пьер Фортис, не менее любопытный, одновременно искал способы улучшить и нашу долю, и жизнь обитателей Города мрака. Кипящие источники, по мнению инженера, могли обеспечить подземный мир электрической энергией — и Фортис строил грандиозные планы.

Мартен-Дюпон расшифровал ряд халдейских надписей и поделился с нами некоторыми удивительными открытиями, касавшимися верований безглазых людей. Они помни-

ли о существовании некоего земного рая, откуда первые люди племени были изгнаны в темноту пещеры. Те радости, что они превозносили, те неизведанные наслаждения, что они воображали, были связаны, несомненно, со счастьем видеть. Это счастье они лишь смутно представляли и описывали так, как истово верующие на поверхности земли говорят о небесных экстазах.

После смерти, согласно религии слепцов, люди возвращались в земной рай. Это убеждение глубоко укоренилось в них, и они с радостью подчинялись диктату безжалостного «закона чисел».

Не ведая ни дня, ни ночи, ни смены годов или времен года, безглазые люди все же сохранили древний обычай летоисчисления. Команда ученых посвящала все свое свободное время подсчету дней и лет согласно старинной шестидесятеричной системе. Песочные часы отмеряли время сна и общественных работ — ведь Город мрака являлся своего рода фаланстером. Установленные на улицах гонги оповещали всех жителей о наступлении периода работ или сна.

Их сутки примерно равнялись нашим двадцати четырем часам, но состояли лишь из двенадцати временных отрезков, также измерявшихся песочными часами.

Наша неделя составляла приблизительно шесть подземных «дней»; шесть наших недель — подземный «месяц». Таким образом, подземный «год» из двенадцати месяцев был существенно длиннее нашего.

Все эти особенности жизни безглазых людей постепенно открывались нам на протяжении последующих недель. Нам не мешали заниматься подобными исследованиями: партия Тотиса, похоже, начала одерживать верх, а значит, нас собирались оставить в живых в качестве «любопытных зверушек», как живописно выразился Этьен.

Но наступил день, когда Тотис вошел в нашу темницу и, как часто бывало, заговорил с Мартен-Дюпоном.

Их разговор казался более оживленным, чем обычно. Филолог очень волновался, размахивал руками, оспаривал доводы своего собеседника, который с непривычной быстротой шевелил пальцами, часто направляя их в нашу сто-

рону и особенно, как я заметил, в сторону Полетт.

Очевидно, речь шла о девушке. Она тоже это поняла и побледнела, гадая, какое новое ужасное испытание ее ждет.



И наконец, в присутствии нашего защитника, Мартен-Дюпон нашел в себе силы обратиться к нам.

— Друзья мои, мне нелегко изложить вам предложение этого чудовища... Но я обязан это сделать. Тотис сообщил мне, что большинство членов совета решительно выступили за применение «закона чисел» и что все мы будем принесены в жертву, если только...

Он помедлил, с бесконечным сожалением посмотрел на Полетт и договорил:

— Если только Полетт, по обычаям Города мрака, не согласится стать его женой.

Единственным ответом девушки был стон ужаса.

Риккарди угрожающе поднял кулак.

Пьер Фортис страшно побледнел и бросился было к девушке, но заставил себя остановиться.

Мартен-Дюпон продолжал:

— Вот его собственные слова: «Если “женщина с верхней земли” согласится выйти за меня, я приму всех вас в свою семью и во имя закона велю убить шестерых престарелых родственников, чья жизнь не имеет для меня значения...»

— Чудовище! — закричал Этьен.

Должен сказать, что никто из нас ни на секунду не задумался о возможности пожертвовать Полетт и отдать ее в жены безглазому варвару ради сохранения нашей жизни.

— Скажите ему, что мы все готовы умереть! — воскликнул инженер.

— Но прежде мы убьем его! — добавил Этьен, доставая револьвер.

— Не так быстро! — сказал Риккарди. — Лучше скажите ему, дорогой друг, что «женщина с верхней земли» даст ответ завтра... А до тех пор, — добавил он, — мы постараемся скрыться...

Его слова были встречены возгласами одобрения. Нашей наградой стал благодарный взгляд Полетт. Но должен заметить, что взгляд этот, встретившись со взглядом инженера, стал гораздо нежнее...

Получив ответ, безглазый Тотис бесстрастно поклонился и невозмутимо вышел.

Очнувшись от ужаса, в который повергло нас его неожиданное предложение, мы стали обсуждать возможности побега. Бежать? Легко сказать... Но как? Куда? Чем мы будем поддерживать наше жалкое существование? Как спастись из этой громадной, но не бесконечной пещеры, где прятаться от фанатиков, ведомых жутким и отвратительным «законом чисел»?

Все эти вопросы казались неразрешимыми.

Рассмотрев и отбросив сотни невыполнимых планов, мы в конце концов поддержали крайне рискованный, но имевший некоторые шансы на успех план инженера Пьера Фортиса.

Примерно в четырех с половиной километрах от города находилось озеро, где местные рыбаки вылавливали рыбу, составлявшую основу рациона безглазых людей. Это озеро, с очень теплой водой, было громадным — таким громадным, что обитатели пещеры изучили только ближайший берег. По причине ущербности, вызванной отсутствием глаз, они не отваживались удаляться в своих плоскодонках более чем на пятьдесят метров от берега. Если мы захватим лодку, кто и что помешает нам пересечь озеро и высадиться на противоположный берег? А там, быть может, мы сумеем выжить...



И мы начали лихорадочно готовиться к побегу. Мы запаслись всем карбидом кальция, который смогли унести — он должен был послужить нам источником света. Не забыли и о запасах сушеной рыбы из бочонка, стоявшего в нашем каземате.

Оставалось только обмануть бдительность стражи.

Этьен снова предложил воспользоваться револьвером.

— Нет, — возразил инженер. — У меня есть средство получше. Бесшумное, но такое же надежное...

Он извлек из кармана маленький пузырек.

— Что это? — спросили мы хором.

— Часть небольшого хирургического набора, который я всегда ношу с собой. Это хлороформ!

Через несколько минут наши сторожа, с тряпичными кляпами во рту, спали мертвецким сном...

Час спустя мы были на озере.

Отвязать лодку, расположиться в ней и взяться за весла заняло у нас несколько мгновений, и вскоре мы поплыли по черной воде, ослепительно искрившейся в свете луча нашей фары...

XI

СОЛНЦЕ

Потянулись бесконечные часы. Я помню их только смутно. Помню, однако, что вода становилась все горячее, мы задыхались, и внезапно наше суденышко было подхвачено яростным водоворотом. Поток воды унес фару и мы оказались в кромешной, ужасающей темноте. Лодка опрокинулась. Я цеплялся за днище, не зная, что случилось с моими спутниками. Затем меня, захлестывая водой, увлекло течение, я едва не захлебнулся и потерял сознание...



Я пришел в себя на больничной койке, в маленьком городке на итальянском побережье. Меня, насквозь промокшего, полумертвого, нашли возле горячего источника; понадобилось несколько дней, чтобы вернуть меня к жизни. Мои спутники исчезли; я был единственным выжившим свидетелем нашего невероятного приключения.

Ласковые лучи солнца согревали меня, я с наслаждением вдыхал чистый воздух, но продолжал проливать горькие слезы о судьбе тех, рядом с кем пережил незабываемые часы и дни...

Когда я рассказал о наших скитаниях под землей и Городе мрака, доктора решили, что это были всего лишь галлюцинации.

Но факт остается фактом: я пропал во время страшной аварии, которую назвали в свое время «Катастрофой в туннеле под Средиземным морем», и был найден на итальянском берегу.

К сожалению, люди от природы склонны объявлять ложью все, что не соответствует привычной для них картине мира.



ОБ АВТОРЕ



Леон Жозеф Грок (1882-1956) родился в Ла-Рошели в многодетной семье директора департамента общественных работ. Окончив парижский лицей Людовика Великого и в 1904 г. Сорбонну, он обосновался в Париже и занялся журналистикой. На протяжении своей карьеры работал в многочисленных периодических изданиях (*L'Eclair*, *L'Intransigeant*, *L'Excelsior*, *Le Petit Journal*, *Le Petit Parisien*, руководитель ночной службы новостей в *Le Figaro*). Опубликовал десятки повестей и романов — от патриотических и военных до детективов и фантастики.

Повесть «Две тысячи лет под водой» была впервые напечатана в №№ 239-247 журнала *Sciences et Voyages* (27 марта — 22 мая 1924 г.) и переведена по этому изданию. Публиковалась также под названием «Обитатели великой бездны» (1925). В несколько расширенном и измененном виде выдержала под названием «Город мрака» пять книжных изданий в 1926-2011 гг.

На обложке использован рисунок М. Туссена к обложке первого книжного издания 1926 г.

POLARIS



ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

SALAMANDRA P.V.V.